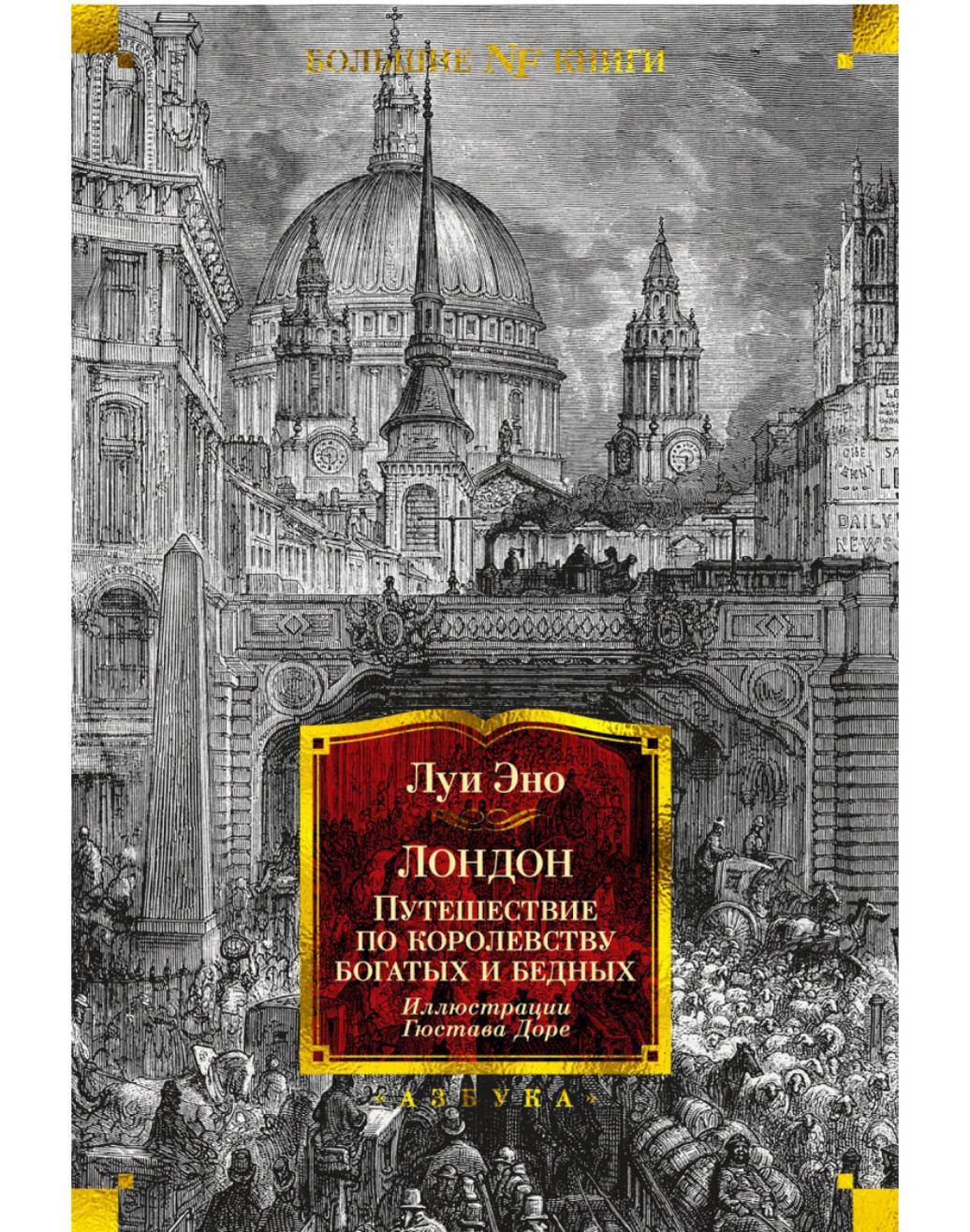

БОЛЬШЕ НЕ КНИГИ

Луи Эно
ЛОНДОН
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО КОРОЛЕВСТВУ
БОГАТЫХ И БЕДНЫХ

*Иллюстрации
Гюстава Доре*

«АЗБУКА»

Луи Эно
**Лондон. Путешествие по
королевству богатых и бедных**
Серия «Non-Fiction. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69556282

*Лондон. Путешествие по королевству богатых и бедных: Азбука,
Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-23983-8*

Аннотация

К концу XIX века Лондон поражал воображение своим масштабом: многомиллионный город, невероятных размеров котел, в котором варилась похлебка из всех мыслимых и немыслимых профессий, учреждений, вероисповеданий и заведений. Согласно статистике каждые восемь минут здесь умирал человек, и каждые пять минут рождался новый. Здесь официально числилось двадцать тысяч пабов и полмиллиона жилых домов, а «лондонских стариков, сирот, хромых и слепцов хватило бы, чтобы населить город обычных размеров». Неудивительно, что многие писатели и художники стремились охватить и описать Лондон, создать его яркий, реалистичный портрет. В 1869 году в Лондоне появляется великий художник Гюстав Доре. Француз очарован и потрясен контрастами огромного города: фантастическим блеском его богатства

и невиданной нищетой. На свет рождаются 174 гравюры, запечатлевшие разные стороны жизни столицы и ставшие самыми знаменитыми изображениями Лондона своего времени. Изящный текст к иллюстрациям был создан известным острословом, парижским журналистом, писателем и путешественником Луи Эно.

Сегодня книга Луи Эно с иллюстрациями Гюстава Доре не только бесценный источник знаний о Лондоне конца XIX века, но и чрезвычайно занимательное чтение.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Книга о жизни столицы объединенного королевства богатых и бедных	8
Лондон	23
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Луи Эно
Лондон. Путешествие
по королевству
богатых и бедных

Louis Énault
LONDRES

LONDON

BY
GUSTAVE DORÉ
AND
BLANCHARD FERROLD

DANIEL MAYER 1874

ИЛЛЮСТРАЦИИ ГЮСТАВА ДОРЕ

© Е. В. Трынкина, перевод, статья, примечания, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Книга о жизни столицы объединенного королевства богатых и бедных

В 1876 году парижское издательство «Hachette et Cie» выпустило книгу «Лондон», на титульном листе которой рядом с прославленным именем Гюстава Доре (1832–1883) стояло имя известного французского писателя и журналиста Луи Эно (1824–1900). Но прежде чем рассказать о том, кто такой Луи Эно и почему именно он стал соавтором Доре, необходимо вернуться на несколько лет назад и перенестись в Англию.

Считается, что идея книги родилась у английского журналиста Уильяма Бланшара Джерролда (Blanchard Jerrold; 1826–1884), которого вдохновил трехтомный альбом «Microcosm of London», изданный крупным издателем Рудольфом Аккерманом в 1808–1811 гг.¹ Джерролд понимал, что за прошедшие шестьдесят лет Лондон в результате бурного экономического развития изменился во всех отношениях, и, как журналист, мечтал запечатлеть новый облик города – города, который в ту пору восхищал, поражал, ужасал

¹ Текст к первым двум томам написал Уильям Пайн, к третьему – Уильям Комб. Над иллюстрациями – ста четырьмя цветными гравюрами-акватинтами – работали художники Уильям Пайн, Томас Роуналдсон и Огастес Пьюджин.

и казался будущим всего человечества.

Как корреспондент английской газеты «Daily News», Джерролд много лет работал в Париже и в 1855 году познакомился с Гюставом Доре: они вместе делали для лондонской газеты «The Illustrated News» репортаж о визите королевы Виктории во Францию – Джерролд писал, Доре рисовал.

В 1867 году, после выхода Библии с иллюстрациями Доре, в Лондоне прошла персональная выставка французского художника, которая имела ошеломляющий успех, а в 1869 году Доре – уже знаменитый и всеми любимый – приехал в Лондон на открытие галереи «Doré Gallery» (Нью-Бонд-стрит), которую лондонские поклонники создали исключительно ради демонстрации его работ (в 1917 году здание галереи было продано аукционному дому «Сотбис»). Джерролд воспользовался благоприятным моментом и предложил Доре сделать книгу о Лондоне и его жителях, справедливо полагая, что подобная книга с иллюстрациями знаменитого художника никого не оставит равнодушным. Эта идея по духу своему была близка Доре, который уже обладал сходным опытом: в 1855 году он написал серию полотен большого формата на тему «Париж, как он есть», которую Джерролд прекрасно знал, ибо именно тогда подружился с художником.

Джерролд к тому времени уже приобрел известность не только как журналист, но и как драматург и писатель, при

этом с 1857 года и до самой смерти являлся главным редактором газеты «Lloyd's Weekly Newspaper» – одной из первых воскресных газет Англии.

Джерролд становится проводником Доре по лондонским «джунглям», и эта роль ему нравится: он чувствует себя первопроходцем и первооткрывателем, по-новому видит родной город и одну за другой раскрывает его тайны. Доре одновременно очарован и потрясен контрастами огромного города: фантастическим блеском его богатства и невиданной нищеты. Недостатка в заказах художник не испытывал, наоборот, каждый автор мечтал, чтобы он проиллюстрировал его книгу, и каждый издатель, публиковавший книгу, стремился выпустить ее с иллюстрациями Доре. Но Лондон увлекает французского художника, и в итоге он соглашается подписать с английским издательством «Grant&Co» четырехлетний контракт, по которому обязуется проводить в Лондоне не менее трех месяцев в году. Он получает аванс в 10 тысяч фунтов стерлингов на первый год и, отложив все прочие заказы, берется за работу.

Доре и Джерролд обходят весь Лондон, в особо опасных кварталах их сопровождают полицейские, иногда к ним присоединяются священник и топограф. Они бродят по городу днем и ночью, и художник чувствует себя новым Данте, спускающимся в ад. В биографии Доре Джерролд рассказывает, что они провели две ночи в Уайтчепеле – беднейшем и самом страшном районе Лондона, облазили доки, ночлежки и

притоны, проплыли по Темзе на барже, два дня провели в театре Друри-Лейн, посетили Ньюгейтскую тюрьму, побывали на скачках в Эпсоме и на лодочных гонках, пообедали со студентами Оксфорда и Кембриджа, погуляли в Гайд-парке, в общем, как позже сказал Джерролд: «Я провел Доре через тени и свет огромного мира по имени Лондон». «Мы делаем великое дело», – вновь и вновь повторял художник.

Тут надо вспомнить, что Доре обладал феноменальной зрительной памятью и редко делал зарисовки. Подобно фотографу, который, вернувшись домой, проявляет и печатает сделанные за день снимки, Доре начинал рисовать только на свежую голову прямо на досках в специально оборудованной под эти цели мастерской. Затем над его рисунками трудилась целая бригада граверов.

Работа над книгой прервалась из-за начавшейся в июле 1870 года Франко-прусской войны. Родной город Доре – Страсбург – был захвачен немцами, художник поспешил во Францию и вступил в Национальную гвардию, созданную для обороны осажденного Парижа. Он борется за свободу не только как солдат, но и как художник: в этот период он создает серию обличающих антинародное правительство сатирических рисунков «Версаль и Париж в 1871 году», которая была опубликована только через тридцать шесть лет. Затем Доре возвращается в Англию, где в течение полугода заканчивает работу над иллюстрациями к книге Джерролда, навещая в случае необходимости в тот или иной уголок Лон-

дона. Книга, которая вышла уже в 1872 году под названием «Лондон: паломничество», включала 191 страницу текста, 55 гравюр на полную страницу и 125 иллюстраций меньшего размера и виньеток, а также предисловие, введение и 21 главу. Она имела успех и у читателей, и у почитателей Доре. Зато официальная критика приняла ее в штыки: писателя обвиняли в очернительстве, а Доре – в том, что он «больше выдумывал, чем подсматривал», что в его Лондоне «тени» больше, чем «света». «Westminster review» заявила, что «Доре предлагает нам карикатуры, в которых отражает лишь самые грубые и вульгарные внешние детали».

Кроме того, многие замечали расхождение между страстным тоном Джерролда и спокойной, объективной манерой Доре: там, где писатель описывает закоренелого преступника, художник рисует бедного, но улыбающегося горемыку... Добавим, что там, где Джерролд кричит и возмущается, Доре либо проникается сочувствием и даже уважением к своим персонажам, либо относится к ним с мягкой иронией.

Критики наших дней, отдавая должное огромной работе, проделанной Джерролдом, отмечают, что текст книги больше говорит о его собственном мировоззрении и взглядах, чем о том, что он описывал, тогда как иллюстрации Доре повествуют о Лондоне, а не о самом художнике в 1872 году². И потому со временем напыщенная и многословная про-

² См.: *Antoine Capet. London: A Pilgrimage de Blanchard Jerrold et Gustave Doré.* – Cercles. 2000. № 1. P. 43–47.

за Джерролда во многом утратила свое воздействие, а черно-белые гравюры Доре приобрели еще большую ценность – и художественную, и историческую.

О том, насколько глубоко Доре проникал в суть того, что видел, свидетельствует сам Джерролд. «Когда мы посетили тюрьму Ньюгейт, Доре попросил тюремщика, сопровождавшего нас, оставить его на несколько минут у окна, через которое был виден двор с бродящими по кругу заключенными. Когда мы вернулись к нему, то увидели, что он не рисовал, но глаза его вбирали каждую деталь сцены. „Я скажу вам, – обратился Доре к тюремщику, – что представляет собой каждый из этих людей“. И он указал вора, поддельвателя документов, грабителя с большой дороги, взломщика. Тюремщик поразился, ибо художник точно угадал „ремесло“ каждого из его подопечных».

Заметим в скобках, что результатом этих наблюдений стала гравюра «Тюремный двор» (с. 285 наст. изд.), которая до такой степени потрясла Ван Гога, назвавшего Доре «народным художником», что он написал картину – живописную копию этой гравюры – и на первом плане, в кольце идущих по кругу заключенных, изобразил самого себя.

В общем, неудивительно, что в прошлом веке некоторые издатели выпускали альбомы с иллюстрациями Доре к книге «Лондон: паломничество» без текста Джерролда. Хотя нельзя не признать, что в свое время он все же сыграл определенную роль: подобно первопроходцу, описав лондонское дно,

Джерролд открыл добропорядочным лондонцам глаза на то, что творится у них под боком, и голос писателя, соединившись с голосами Диккенса, Мейхью, Дизраэли, Гюго, Маркса, Энгельса и других, прозвучал не напрасно: в 1878 году образовалась Армия спасения, а к концу двадцатого столетия Британия справилась с массовой нищетой и преступностью – болезнью, которую Джерролд называл неизлечимой.

Джерролд умер, работая над биографией Доре, которая вышла в 1891 году (London, W. H. Allen) под названием «Life of Gustave Doré» («Жизнь Гюстава Доре»). В эту книгу были включены сто тридцать восемь рисунков французского художника.

Сразу после выхода книги «Лондон: паломничество» Доре предложил парижскому издательству «Hachette et Cie» выпустить аналогичную книгу о Лондоне на французском языке и поручить перевод Луи Эно – журналисту, писателю, путешественнику и полиглоту, который объездил полмира и много раз бывал в Англии. Шотландия, Германия, Ближний Восток, Северная Европа – вот неполный перечень стран, по которым он путешествовал. В результате поездок рождались книги: «Прогулки по Бельгии и берегам Рейна» (1852), «Святая земля, путешествие четырех паломников в 1853 году» (1854), «Константинополь и Турция, картина Оттоманской империи» (1855), «Путешествие в Лапландию и Норвегию» (1857), «Англия, Шотландия, Ирландия, живопис-

ное путешествие» (1859), «Средиземное море, его острова и берега» (1863), «Центральная и Южная Америка» (1866) и другие.

Помимо этого перу Эно принадлежали романы, повести и рассказы, среди которых особую известность завоевали романтические и сентиментальные истории «Кристина» (1858), «Надеж» (1859), «Альба» (1860) и эпистолярный роман «Эрмина» (1860). Все эти книги много раз переиздавались на протяжении всего девятнадцатого столетия и продолжают выходить до сих пор.

Луи Эно родился в городе Изиньи (провинция Кальвадос), окончил факультет права и филологии университета города Кана (столицы Кальвадоса и Нижней Нормандии), защитил дипломную работу об Эсхиле, переехал в Париж и начал карьеру журналиста в газете «Chronique de Paris», где публиковались его «полные тепла и жизни»³ отчеты о ежегодных художественных выставках – салонах 1852 и 1853 годов. Эти работы сразу же снискали ему заслуженный успех. Затем Ипполит де Вильмессан приглашает его к сотрудничеству в своей новой еженедельной газете «Le Figaro». Эно публикует портреты современников – его слог деликатен, тонкий, почти женственен⁴. Он пишет о разных странах: один из

³ См.: *H. de Villemessant. Mémoires d'un journaliste. A travel's le Figaro* / P.: E. Dentu. 1873. P. 50.

⁴ Эно считался мастером описаний. Коллега Эно, известный журналист и писатель-сатирик Орельен Шолл (Sholl, 1833–1902), изобразил диалог между Адольфом Жаиффом (ученым и автором научно-популярных статей) и Луи Эно в од-

номеров «Le Figaro» под названием «Восток» был полностью написан им одним. Он добивается успеха благодаря своему обаянию и остроумию, читательницы становятся его поклонницами, а вслед за ними и их мужья⁵. Одаренный необыкновенной энергией, он легко справлялся с любой работой, он говорил на одиннадцати языках (французы до сих пор читают «Хижину дяди Тома» и «Страдания юного Вертера» в его переводах); он вращался в обществе художников и писателей, был завсегдатаем светских гостиных. Параллельно с работой в «Le Figaro» Луи Эно сотрудничал с иллюстрированными журналами «La vie à la campagne» (Фран-

ной из своих зарисовок («La Foire aux artistes. Messieurs de la cravate blanche». 1858):«Жаифф. Скажите, пожалуйста, какие науки используются для описаний?Луи Эно. Ботаника, зоология, минералогия и школа микродеталей.Жаифф. Приведите примеры.Эно. Портрет девушки. Ботаника: Маргарита была белой и чистой, как лилия, распустившаяся на рассвете. Она смотрела на мир голубыми, как колокольчики, глазами, ее пышные волосы пахли, словно грозди белой акации, а губы были свежи, будто красные маки в капельках росы. Добавить стебелек и тычинки, и портрет будет полным.Жаифф. Зоология?Эно. Используя знания в области зоологии, мы опишем Леониду стройной как газель, с голосом соловья, тигриной грацией и зачаровывающим, как у змеи, взглядом. Минералогия позволит сказать, что Злата обладала жемчужными зубами, коралловыми губами, глазами цвета яшмы и белой, как алебастр, шей. Она сверкала, подобно алмазу, там, куда ее забросила судьба, и рядом с ней вы забывали о всех сокровищах Голконды и Алмадена.Жаифф. Переходите к школе микродеталей.Эно. В пятницу 13 октября 1831 года Марии-Терезии-Анжеле де Шатонейф исполнилось семнадцать лет три месяца и одиннадцать дней. Белизна ее кожи нарушалась едва заметным пятнышком чуть-чуть выше левого виска. Все ее волосы были черными, за исключением одного рыжевато-го волоска, который не ускользал от взгляда наблюдателя, и т. п...»

⁵ Ibid. P. 51.

ция), «L'Illustration» и «Le Nord» (Бельгия), газетами «Le Constitutionnel» (Франция) и «La Gazette de France» (Франция). Он очаровал императрицу Евгению, а Наполеон III, прочитав его статьи о Константинополе и средиземноморских островах, не только пожелал познакомиться с писателем, но и наградил его крестом ордена Почетного легиона.

Обладая прекрасной памятью, Эно изобрел собственный метод изучения иностранного языка: он составил словарь из четырехсот слов и выражений, необходимых каждому человеку, оказавшемуся в чужой стране, и, собираясь в очередное путешествие, в течение недели заучивал их. В дороге он пополнял свой словарный запас, а находясь в стране, совершенствовал произношение.

Щеголеватый, изящный, подчеркнуто вежливый – таким его описывают современники. Сохранилось несколько портретов Эно – художники любили рисовать этого красивого мужчину с пышной копной выющихся волос, ухоженной бородкой, лихо закрученными усами, тонкими чертами и серьезными, вдумчивыми глазами.

«Эно можно было бы упрекнуть, – заключает Ипполит Вильмессан, – только в том, что он слишком много времени отдает публицистике. Если бы он не писал для всех газет, которые обращаются к нему за содействием, а научился выдавать свою прозу маленькими порциями, то, вне всякого сомнения, поднялся бы в литературе на место еще более высокое, чем то, которое он занимает и которое, несмотря ни

на что, является весьма завидным»⁶.

Заключив договор с издательством на подготовку французского варианта книги «Лондон: паломничество», Эно быстро справился с поставленной задачей, но то, что вышло из-под его пера, нельзя назвать ни переводом, ни пересказом. Опираясь на книгу Джерролда, Эно пишет текст, сопровождающий иллюстрации Доре, для французов, причем для французов обеспеченных, поскольку с самого начала предполагалось, что парижское издание будет дорогим⁷. Он меняет структуру и уплотняет текст: теперь в ней восемнадцать глав и короткий эпилог. С согласия Доре он соответственно упорядочивает и иллюстрации, сократив их число до 174 (в основном за счет виньеток), но упомянув одну из них («Темза-батюшка») в первой главе книги.

Вместе с языком поменялись и стиль, и тональность текста, и название книги: «Лондон: паломничество» превратилось просто в «Лондон»⁸. И если книгу Джерролда можно назвать репортажем о жизни Лондона, то книга Эно – это

⁶ *Ib.* P. 59.

⁷ Книга Луи Эно с иллюстрациями Гюстава Доре «Лондон» вышла в дорогом кожаном переплете темно-зеленого цвета и с золотым тиснением на обложке, в котором гравёр Огюст Суз соединил герб Лондона, его девиз «*Domine Dirige Nos*» («Господи, направляй нас») и различные морские атрибуты, указывавшие на Лондон как на столицу империи и морской державы.

⁸ В 1984 году парижское издательство «*Sacelp*» выпустило книгу Эно и Доре под названием «Лондон и лондонцы в 1875 году».

путевые заметки, жанр, которым французский писатель владел в совершенстве. Джерролд погружается в жизнь Лондона со всеми ее проблемами, а Эно почти все время сохраняет позицию стороннего наблюдателя и изучает столицу Соединенного Королевства как иностранец, или, говоря языком современным, как турист: порой он сравнивает Лондон с Парижем, порой с другими столицами, денежные суммы, как правило, переводит во франки и, очень методично описывая все лондонские достопримечательности, добавляет пояснения, которых не было в английском издании. Он восхищается тем, чем можно восхищаться, и ужасается тому, что вызывает ужас и возмущение, но рассказывает обо всем лаконично и просто, иногда даже наивно, а в целом очень благожелательно. Он как бы следует за Джерролдом и Доре, но смотрит на Лондон все-таки своими глазами и видит то, на что англичанин в силу привычки не обращает внимания. Некоторые фрагменты его книги напоминают настоящий путеводитель по музеям и соборам (главы «Храмы», «Дворцы», «Музеи и собрания»), некоторые – живые рассказы о нравах лондонцев (главы «Лошади», «Жокей», «Дерби», «Сезон») или даже репортажи с места событий (рассказ о вступлении в должность лорд-мэра, об открытии музея Бетнал-Грин в главе «Музеи и собрания», глава «Лодочные гонки»).

Луи Эно признается: «В ходе этого смелого предприятия мы не раз ощущали, что задача превосходит наши возможности, и теперь, несмотря на приложенные усилия и старания,

ние, мы лучше кого бы то ни было понимаем, до какой степени несовершенно это сочинение. Впрочем, мы с самого начала сознавали, что оно будет неполным. Нельзя одной книгой объять необъятное, как нельзя ковшом вычерпать море». Не стоит воспринимать его слова как кокетство: к семидесятым годам девятнадцатого столетия Лондон действительно поража́л своими масштабами и размахом – с начала века его население выросло от одного до пяти миллионов человек, и каждые восемь минут один человек умирал, и каждые пять минут рождался один ребенок. В городе насчитывалось сорок тысяч торговцев фруктами и рыбой, сто тысяч бездомных, в нем проживало больше ирландцев, чем в Дублине, и больше католиков, чем в Риме. Здесь было двадцать тысяч пабов на пятьсот тысяч мест и полмиллиона жилых домов. В Лондоне работала целая армия клерков и бухгалтеров, и, как писал Джерролд, «лондонских стариков, сирот, хромы́х и слепцов хватит, чтобы заселить город обычных размеров». Конечно, осветить все стороны жизни такого города в одной книге было невозможно. И потому вслед за писателями XVIII и XIX веков, которые посвящали британской столице свои труды, о ней продолжают писать и в наши дни⁹. И многие авторы включают в свои книги по истории Лондона те или иные иллюстрации Доре как бесценные и неоспоримые свидетельства гениального очевидца.

В итоге у Эно получился текст, который, не слишком за-

⁹ См., например: Акройд П. Биография Лондона; Темза. Священная река.

девая самолюбие соседей, отвечал интересам его соотечественников и в достаточно полной мере комментировал иллюстрации Доре. В силу этого книга Эно была благосклонно встречена критикой и при этом чудесным образом не устарела: современные читатели могут как почерпнуть из его работы вполне актуальные сведения, поскольку многое в Лондоне сохранилось до наших дней, так и сравнить Лондон викторианский с Лондоном XXI века. К тому же им дана удивительная привилегия: читая увлекательную книгу, рассматривая потрясающие гравюры, они видят Лондон начала 1870-х годов с расстояния в сто сорок лет и потому имеют возможность не только окунуться в бурную и разнообразную жизнь огромного викторианского города, но и оценить прогнозы Джерролда, Эно и Доре.

Что ж, в главном они оказались правы: не прошло и ста лет, как Британская империя распалась и, пережив немало трудностей, утратила власть и над всеми своими заморскими территориями, и над большей частью Ирландии, но Англия и Лондон стоят и простоят еще много веков, в частности и потому, что, несмотря на проблемы, присущие всем развитым странам и крупным городам, обладают, как говорится в эпилоге к этой книге, «главными качествами, которые обеспечивают народу долгую жизнь: здравомыслием во всем, рассудительностью и практицизмом, любовью к прошлому и привязанностью к традициям в сочетании со стремлением к развитию; уважением прав и законов и тем благочестивым чув-

ством сострадания... которое не позволяет остаться в стороне от чужой беды и заставляет при виде зла немедленно стремиться к его искоренению», а также верой в Бога, которая защищает и сохраняет все лучшее, что есть в душе страны.

Таковыми увидели английский народ авторы этой необычной книги. Возможно, в чем-то они его приукрасили, в чем-то ему польстили, но бережного отношения к традициям отрицать нельзя: так же как и полтора века назад, каждое утро гарцуют по Гайд-парку наездники, ежегодно проводятся скачки в Дерби и лодочные состязания между студентами Оксфорда и Кембриджа, каждый вечер проходит церемония закрытия Тауэра, даются спектакли в Ковент-Гардене и концерты в Альберт-Холле, скверы на площадях остаются доступны только для жителей соседних домов, а питейные заведения не испытывают недостатка в посетителях. Пивоварни варят пиво, и его развозят по местным пабам на тех самых огромных лошадях, которые с таким восхищением описаны в главе «Пивоварни». Кипит работа в доках, бурлит деловая жизнь в Сити, улицы запружены транспортом, город разрастается и по-прежнему привлекает толпы туристов и говорящих на плохом английском эмигрантов.

Е. Трынкина

Лондон

Благодаря частым и продолжительным поездкам в Лондон нам удалось погрузиться в жизнь столицы Соединенного Королевства. Снова и снова изучая многоликий и переменчивый ее характер, мы постигли его противоречивость и проникли в его тайны. И, несмотря на это, сомнения и нерешительность овладели нами, когда, взяв в руки перо, дабы написать первую страницу книги под названием «Лондон», мы осознали величие и сложность задачи. Удручающе очевидной стала невозможность охватить всё и вся, а вслед за ней родилась уверенность в том, что картина получится неполной. Да, мы многое повидали, но можно ли ручаться, что мы всё видели, всё запомнили и обо всем рассказали? Нам предстоит воскресить в памяти и показать читателям не один город, а несколько городов в одном или, лучше сказать, целый мир – мир, где соприкасаются разные крайности и излишества, где вас ослепляет чудо высочайшей цивилизации и удручает такая душераздирающая и беспросветная нищета, какой не встретишь даже в самых отсталых странах. Здесь соседствуют, никогда не пересекаясь, аристократия высочайшей пробы и чернь самая низкая и отвратительная; сокровища, на которые можно купить десятка два королевств, и тысячи умирающих с голода пролетариев; обширные кварталы, где каждый особняк похож на утопающий в

зелени садов дворец, выстроенный на границе великолепных парков, таких бескрайних, что кажется, будто город вышел на сельский простор, и в двух шагах от них – нагромождение хижин и лачуг, в которых человеческим существам не хватает даже воздуха, чтобы наполнить свои легкие и выжить.

Лондон в Средние века

Надеемся, нашу задачу упростит то, что в Лондоне – этом сонном множестве смежных, но неравноценных городов – границы всегда четко обозначены и всегда непреодолимы. Есть столицы, скажем Париж, Вена, Мадрид, Берлин, чья жизнь образует единое целое. В них люди и вещи сплавляются и формируют нечто более или менее гармоничное. В Лондоне ничего похожего! Там общество разделено так же глубоко, как неотъемлемы политические права его членов. И потому

надо бы написать не одну книгу, а двадцать, ибо только так можно было бы дать представление о Лондоне и справиться с задачей.

Тем не менее мы попытаемся искренне и немногословно изложить на этих страницах результаты наших изысканий – разных по времени, но объединенных одной и неизменной целью. В самом деле, уже давно нам хотелось набросать картину, возможно, самого любопытного города в мире, города, в котором человеческое общество является в противоположностях, поднимаясь к самым высоким идеалам цивилизации, каких только можно достичь, и опускаясь на дно самой постыдной на свете низости.

И пусть те, кто оказал нам честь доброжелательным отношением к нашим сочинениям другого плана, соблаговолят принять от нас признательность за помощь и выказать такую же симпатию к нашей новой работе. Их высокая оценка послужит самой лестной наградой автору этих строк.

Если верно, что все дороги ведут в Рим, то не менее верно, что надо знать, через какие ворота входить в город цезарей и пап. Это утверждение справедливо для всех поистине прекрасных городов. В Неаполь лучше всего приплыть с его залива, в Константинополь – через Дарданеллы и Золотой Рог; в Париже в первую очередь надо увидеть Триумфальную арку на площади Звезды, Елисейские Поля и площадь Согласия, ну а Лондон начинается с Темзы.

Нашему веку, который сделал уже немало чудесных открытий и совершил огромный скачок в будущее, захотелось напоследок передать потомкам еще одно творение – более поразительное, гигантское и многообещающее, чем все предыдущие. Вознамерился он вопреки Природе и Провидению, которые разделили Англию и Францию, говоря словами поэта, враждебными волнами

Oceano dissociabili¹⁰,

соединить их мостом над проливом или подводным тоннелем. Путешествие выиграет в легкости и удобстве, но потеряет в живописности. К царице морей следует приближаться исключительно на корабле, оставив международные вагоны континенту. И пока океан омывает своими непокорными водами три королевства, пока Англия навевает образ пришвартованного к краю Европы парусника, пусть ее берегов достигают только мореплаватели!

Когда в ясную погоду остаются позади Кале или Булонский порт, когда удаляешься от «милого сердцу края», как пела в далеком прошлом прекрасная и очень несчастная королева Мария Стюарт¹¹, постепенно все четче вырисовыва-

¹⁰ Океан разъединяющий (разобщающий) (*лат.*). – Гораций. Оды. I. 3. – *Здесь и далее примеч. перев.*

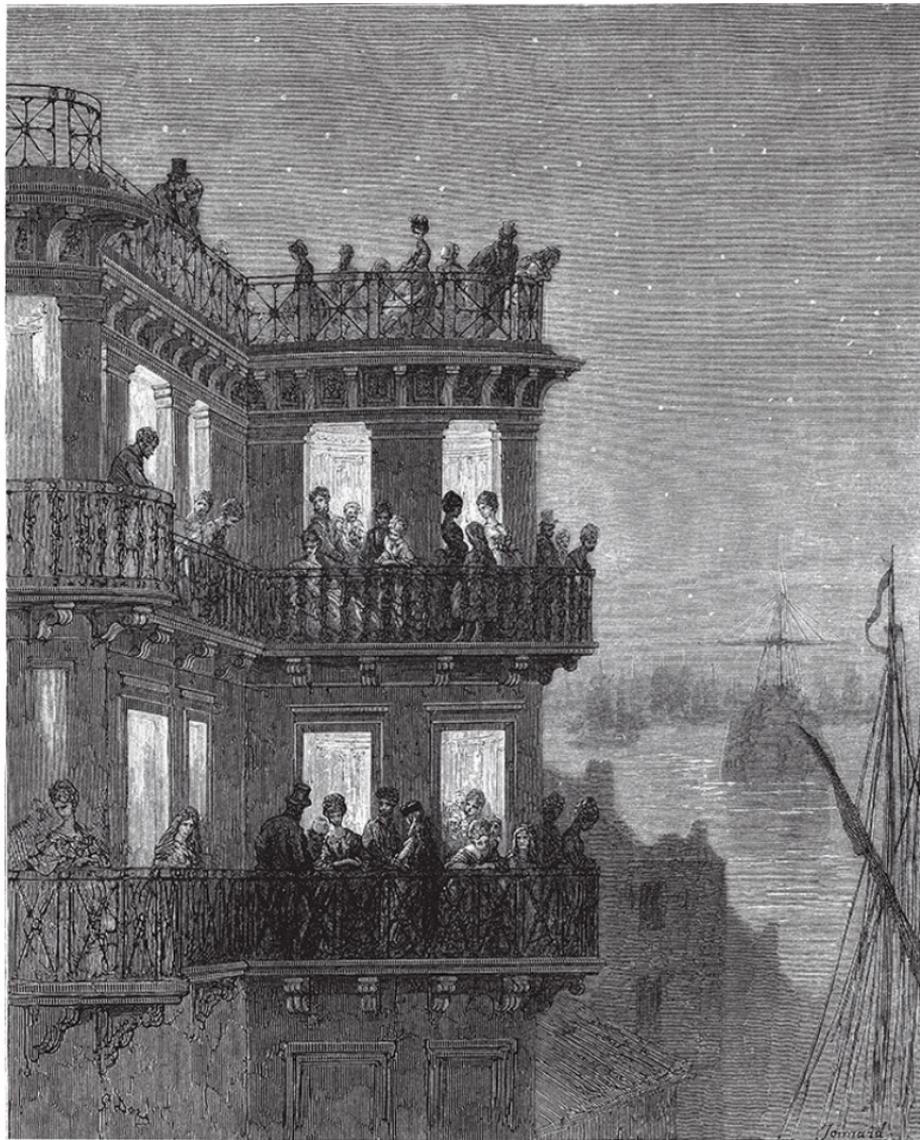
¹¹ «Прощай, о милый сердцу край! О Франция, прощай!» – строчка из стихотворения, которое якобы сочинила Мария Стюарт, покидая в 1561 году Фран-

ются на горизонте белесые скалы, коим обязана Англия своим прозванием Альбион¹². Вскоре появляется высокий силуэт замка Дувр, а за ним – мыс Саут-Форленд. Залив Даунс раскрывает свои объятия, а перед ним тут и там выглядывают из воды отмели – остатки затонувшей земли, которую называют Песками Гудвина. Высокие скалы Рамсгейта и Маргейта стоят как часовые, охраняющие берег. Они, однако, пропускают вас, и вы благополучно огибаете мыс Норт-Форленд и, повернув на запад, попадаете в устье Темзы.

Кругом – справа, слева, позади и впереди – бесчисленные парусники и пароходы держат курс к фарватеру, обозначенному разноцветными бакенами и буями. Миновав остров Шипи и Ширнесс, небольшой порт с бесчисленными арсеналами, вы приближаетесь к *light ship*, то есть к плавучему маяку, который стоит на якорю в самом устье Темзы, в месте ее слияния с Медуэем. По правую руку остается Саутхенд – милый курортный городок с длинной деревянной дамбой, а по левую – Грейвсенд, его особняки и церкви. Затем вы проходите под ныне умолкшими пушками форта Тильбюри – главного защитника Лондона, и внезапно видите Темзу, которая до сей поры выглядела как широкий эстуарий, а теперь благородно сужается и становится похожей на реку.

цию. На самом деле автором стихотворения, опубликованного в 1765 году, был французский поэт Габриэль де Керлон (1702–1780).

¹² Альбион – белый (лат.).

Гринвич поздней осенью

Впрочем, таков характер многих рек Великобритании: к какому бы морю ни устремлялось их течение, они никогда не отличаются большой протяженностью и почти три четверти пути струятся подобно всем равнинным ручьям, вышивая узоры на зеленом бархате лугов и переговариваясь с ивами, которые погружают в их воды зеленые пряди поникших ветвей. Но в низовье своем их русло резко расширяется и, подобно рукам, распахивает объятия всем волнам мира. Так ведет себя и Темза, и Форт, и Мерси.

Но вернемся на Темзу и продолжим наше непростое путешествие.

За фортом Тильбюри число всевозможных кораблей и лодок возрастает так, что им становится тесно, они снуют во всех направлениях или спят, застыв около берегов в ожидании отплытия. Здесь может показаться, что ты уже в лондонской гавани, но нет, чем дальше, тем больше возрастает суэта.

Создается впечатление, что вас захватывает вихрь вечного движения. Мачты устремляются ввысь, паруса раздуваются, снасти переплетаются, каждая секунда грозит столкновением, и если ты раза два не пошел ко дну, прежде чем коснуться дебаркадера, то поторопись поставить свечку святому Петру, покровителю матросов.

Не бойтесь, это мнимая угроза! Суда сталкиваются, соударяются и разбиваются только на просторах морей, где они могут встретиться лишь чудом, а здесь, в этом муравейни-

ке из бригов, шхун, трехмачтовиков, лодок и шлюпок, которые обходят друг друга без передышки на таком узком пространстве, что катастрофа кажется неизбежной, неразбериха каким-то чудом организуется, ловкие лоцманы творят порядок из беспорядка и зачарованный наблюдатель наслаждается самым чудесным зрелищем на свете – зрелищем в высшей степени напряженной человеческой деятельности. Позже Лондон заинтересует вас своими чудесами и сокровищами, но он не сумеет вас поразить. Увидев Темзу, вы имеете полное право ожидать всего самого невероятного, и потому уже ничто не застигнет вас врасплох.

И вот вдоль берегов выстраиваются огромные пакгаузы, необъятные доки и бесконечные склады, верфи, рядом с которыми дремлют на якоре мощные военные корабли, пароходы-броненосцы и мониторы в тройных панцирях. С утра и до вечера гигантские заводы выбрасывают клубы дыма, а за их крышами, не слишком далеко, как раз так, чтобы образовать видимый глазу фон, на склонах холмов вырисовываются очаровательные домики, которые дают вам первое представление о тишине и уюте семейной жизни под их кровом и о прелести английского пейзажа. Затем вам являются доки Виктории, а на смену им приходят доки Восточной и Западной Индии. Один их вид внушает подозрение о колоссальном богатстве, лежащем в основе британской торговли. Военный госпиталь Гринвич, обсерватория на вершине холма, плавающий госпиталь – *Dreadnought* – верфи Дептфорда до-

полняют этот бесподобный ансамбль и довершают картину.

Чем ближе город, тем гуще смог – это страшное бедствие Лондона, и вы попадаете под настоящий купол из дыма, который заменяет английской столице лазурный свод Неаполя и Константинополя. Вы продвигаетесь по величественному проспекту из кораблей, который превращает в реальность поэтическую картину большого порта с лесом мачт, и приближаетесь к зданиям таможни (*Custom House*) – конечному пункту плавания.

Итак, мы не ошиблись, повторив слова Генри Бульвера, который имел все основания утверждать, что чужеземец в первый раз должен попадать в британскую столицу с берега Темзы. Второй раз он может выбирать, но начинать знакомство с Лондоном нужно только так.

Широкая река, строгие и темные здания прибрежных фабрик, густой туман, сквозь который едва различаются бесчисленные смутные тени гигантских очертаний, таинственная тишина, царящая повсюду... Вы проскальзываете в город мимо больших кораблей – символов могущества империи, и грусть, торжественность, грандиозность и даже темнота, окружающая вас, – одним словом, все готовит вас к серьезному и мрачному величию.

Англичане называют свою реку *the Thames*¹³. Мы, французы, со свойственным нашему народу неуважением к орфографии иностранных названий, а также равнодушием к ис-

¹³ Имя собственное среднего рода. Произносится [temz].

тории и географии превратили *Thames* в *Tamise*¹⁴, а *London* – в *Londres*, к великому возмущению наших соседей, которые дают себе труд писать и произносить *Сена* и *Париж*¹⁵ так, как это делаем мы. Но это к слову, маленькая деталь, на которой мы не станем долее задерживаться.

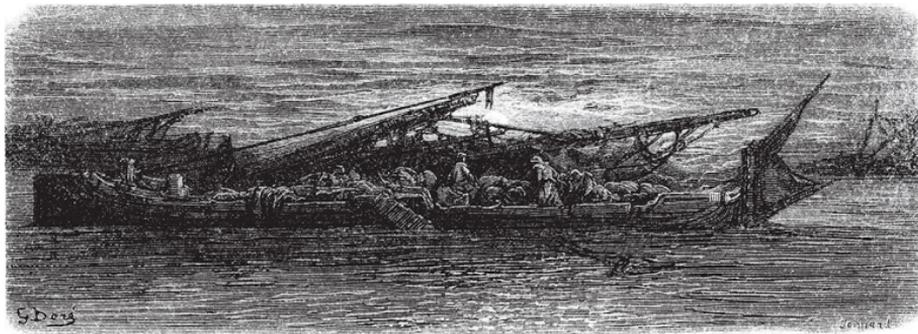
Паскаль с присущей его фразам красочной меткостью назвал реки движущимися дорогами, англичане прозвали Темзу бесшумной магистралью (*the silent highway*). Она и в самом деле является наиболее оживленной дорогой Англии, нерукотворной улицей Лондона, чьи изгибы рисуют на его теле гигантскую букву «М». Ниже Челси она направляется прямо на север, затем, пройдя под Вестминстерским мостом, делает поворот на восток и следует этому курсу до Лондонских доков, расположенных уже за городскими стенами. Отсюда она устремляется на северо-восток, затем расширяется между илистыми берегами и заворачивает на юг, обнося свои желтоватые воды вокруг острова или, говоря точнее, полуострова Собачьего. У мостов Блэкфрайерз и Воксхолл ширина Темзы достигает двухсот десяти метров. И она становится вдвое шире у моста Ватерлоо.

¹⁴ Имя собственное женского рода. Произносится [tamiz].

¹⁵ Это не так. Англичане произносят [sein] вместо [sen] и [p'eri:s] вместо [par'i].

Баржи с сеном на Темзе

Англичане в своем патриотизме легко доходят до неумеренных восторгов и дифирамбов, когда надо восславить все, что касается их мужественной нации и ей принадлежит, и потому они расхваливают и воспевают Темзу на все лады. Поверить им, так она несравненна и на всем белом свете не сыскать такой прекрасной, большой и великолепной реки. По примеру римлян англичане охотно наделяют свою любимую реку отеческими правами. *The Father Thames*, Темза-бабушка – такое выражение часто слышится из уст лондонцев. Разным художникам нравится изображать *the Father Thames* – и именно так поступил Доре, готовя наш фронтиспис, – в облике величественного и почтенного старца, с микеланджеловским лбом, могучими плечами, бородой из тины, спускающейся волнами на широкую грудь, и мощной рукой, лежащей на кормиле судна. Люди с воображением, которые повсюду ищут совпадения, схожесть и символичность, нашли аналогии между обликом Темзы и духом англичан. И река

представляется им, как и этот дух, сумрачной, глубокой и сильной.

Вечер на Темзе. Пригород Лондона

Здравомыслящий иностранец довольствуется тем, что просто любит чарующим зрелищем, которое разворачивается перед его взором. Он стоит на носу корабля и видит, или думает, что видит, в грандиозном параде Вестминстер, собор Святого Павла, Сомерсет-Хаус и тысячи шпилей всех форм и размеров, похожих на призраки в туманных саванах.

Надо заметить, что увидеть Темзу можно лишь с воды или с моста. Ей не хватает того, что придает очарование всем рекам, а именно берегов и набережных. Практические интересы убили в англичанах чувство прекрасного, доки, пакгаузы, верфи везде спускаются почти к самой кромке воды, и порой над ней нависают огромные краны, с помощью которых разгружаются корабли. Это удобно, но некрасиво: столица Англии таким образом лишается того, что могло бы доставить всем огромное удовольствие. Темза отказывает гражданам Лондона в приятных прогулках, которые дарят берега Сены парижанам, Тибра – римлянам, Арно – флорентийцам, Мансанареса – мадридцам (когда в нем есть вода)¹⁶. И если бы не приходилось время от времени пересекать Темзу, чтобы переправиться на другой берег, можно было бы всю жизнь прожить в Лондоне и не подозревать, что рядом есть река. И можно даже подумать, что кто-то нарочно спрятал ее от

¹⁶ Мансанарес пересыхает летом иногда почти полностью.

ВЗГЛЯДОВ ЛЮБОПЫТНЫХ ИНОСТРАНЦЕВ.

Вечер на Темзе. В черте Лондона

Зато мосты, переброшенные через Темзу, позволяют любоваться самыми прекрасными видами. Впереди – кипучая деловая жизнь города, справа и слева – великолепные памятники столицы Соединенного Королевства, которые возвышаются над крышами зданий, подобно скалам или островам над волнами океана, а наверху, над нашими головами – небесный простор, и порой, правда очень редко, луч солнца проскальзывает между облаками, а затем теряется и угасает в клубах дыма, которые неустанно и непрерывно извергают тысячи заводских труб.

Лондонский мост – самый первый по пути от моря к Лондону, и он так же знаменит в Англии, как у нас – парижский

Новый мост. Это самый старый мост британской столицы, который долгое время оставался единственным. Живопись, поэзия и романы наперебой оспаривали его друг у друга. Он был и является до сей поры их излюбленной темой, вдохновляя на все новые и новые творения.

Лондонский мост в 1694 году

В первых годах одиннадцатого столетия почти на том же месте стоял деревянный мост, который соединял Лондон с Саутворком. На этом мосту разыгрывались сражения между датчанами и норвежцами, этими властителями морей, чьи ивовые лодки захватывали берега, сея повсюду разруху, опустошение и смерть.

В 1008 году войска норвежского короля Олафа разрушили Лондонский мост, захватили реку выше его развалин, обложили город и вынудили его сдаться.

Но мост в этом месте был слишком необходим, ибо только он соединял большую область Англии с югом страны и Европой. Поэтому его быстро восстановили и укрепили, превратив в подобие крепости на воде. В 1091 году ужасная буря снесла мост и вместе с ним шестьсот домов старого города. Его опять отстроили, но в 1136 году случился пожар, и только в 1163 году его смогли снова восстановить. Все это обошлось очень дорого, поскольку каждый раз строился деревянный и не очень надежный мост. Наконец Питер Коулчерч в 1176–1209 годах выстроил каменный мост, который, несмотря на ряд разрушений и частичных перестроек, простоял до 1832 года. Высотой восемнадцать метров, длиной двести восемьдесят два метра и шириной от одного парапета до другого двенадцать метров, он состоял из двадцати арочных пролетов.

Этот мост был и величествен, и красив, однако ошибка

состояла в том, что на нем разместили два ряда домов, которые превратили его в узкую и темную улицу. Над центральным пролетом возвышалась изящная часовня, возведенная в память о благословенном Томасе Бекете, архиепископе Кентерберийском, который пал жертвой собственной верности обязанностям пастыря. На южном конце моста находились Саутворкские ворота с площадкой, где выставлялись насаженные на пики головы преступников, казненных за оскорбление величества. Среди тех, кто по справедливости или из-за мести и ревности попал в лапы палача, были и знаменитости. И чаще всего вспоминают Фальконбриджа, который хотел захватить Лондонский мост, чтобы освободить томившегося в Тауэре Генриха IV, Уильяма Уоллеса – легендарного героя, чье имя живет в сердце каждого шотландца, и, разумеется, Томаса Мора.

Семья моряка

Несколько месяцев голова великого гуманиста с улыбкой на устах оставалась в целости и сохранности, как будто тлен и смерть не смели ее тронуть. Это чудо сочли оскорблением его величества, и голову, упорно не желавшую расстаться с жизнью, сбросили в реку.

Рядом с этими побелевшими от костей воротами члены городского парламента встречали своих государей, когда они, одержав славную победу, возвращались с войны в добрый старый Лондон. Там же проходили рыцарские турниры, которые были в большой моде в те феодальные времена, когда физическая сила играла определяющую роль.

Как любой другой мост, Лондонский пережил всякого рода разрушения и неоднократно частично перестраивался. То пожар, то буря, сегодня – ураган, завтра – вскрытие реки и ледоход. Порой два-три пролета сносило, дома рушились, и река поглощала их вместе со злосчастными обитателями. Мост и здания восстанавливали, их ненадежность никого не смущала. И только в 1757 году цеховые старейшины Сити приказали снести постройки-паразиты, которые не только портили вид, но и мешали движению транспорта.

В 1822 году парламент постановил возвести новый мост, более широкий и прочный, чем старый, – одним словом, более монументальный.

Поставленная задача была в точности исполнена Джоном Ренни и его сыновьями, архитекторами нового моста. И можно сказать, плод их трудов получился весьма внушительным.

Постоянное движение наблюдается как на Лондонском мосту, так и под ним. Внизу с трудом расходятся самые разные суда, а наверху царит самая настоящая неразбериха: пешеходы, всадники, экипажи – кебы, телеги, повозки – все находится в безумном смешении; так и кажется, что здесь ни пройти ни проехать и что вот-вот все застопорится.

В окрестностях Лондонского моста и всех причалов, к которым подходят пассажирские пароходы, путешественник впервые сталкивается с гнетущей английской нищетой, возможно самой глубокой и разительной в юдоли слез, данной человеку для жизни. Именно здесь его в первый раз окружает бледная толпа отверженных; потом она часто будет вставать на его пути: впалые от голода щеки, лихорадочный блеск глаз, гнусные, развратные губы, печать порока на лбах, безобразное и в то же время тупое выражение лиц... И вдруг эти призраки, вампиры и упыри оживают: надежда заработать шиллинг или просто получить шестипенсовик вселяет в них пыл и жар, ибо открывает дорогу к порции джина или бренди! Они набрасываются на узлы и чемоданы, расхватывают ваши вещи и охотно порвали бы вас на кусочки, лишь бы доказать свое усердие и желание услужить и хоть что-то урвать от ваших щедрот. Нигде попрошайки не выглядят столь корыстно и отталкивающе, как в Лондоне, и нигде нуж-

да и обездоленность не проявляются в столь душераздирающей форме. В других странах от согретого и освещенного солнцем нищенства веет кое-какой романтикой, и это смягчает его горечь и приукрашивает его ужасающую суть. В испанском и итальянском нищем есть даже что-то театральное. Южные лохмотья так и просятся на карандаш; они вдохновляют художников, обещая на полотне выглядеть прилично. В Лондоне все не так, там нищета – это нищета, и только, хотя нищий наряжается в поношенный фрак джентльмена и нахлобучивает на голову то, что некогда было шелковой шляпой, а теперь не имеет названия ни на одном из языков.

Если вы хотите найти в Лондоне уединенный уголок, то ищите его на мосту Саутворк. Это платный мост, возведенный между двумя другими – Лондонским и Блэкфрайерз, – проезд по которым свободный.

Архитектор Джон Ренни, тот самый, что выстроил Лондонский мост, возвел Саутворкский мост в самом узком месте Темзы. Это сооружение покоится на каменных быках, которые, в свою очередь, стоят на огромных сваях, и имеет три чугунных арочных пролета: ширина центрального пролета семьдесят три метра, каждого из боковых – шестьдесят четыре. Общая длина моста (между двумя устоями) двести шестнадцать метров. Первый камень моста Саутворк был заложен в 1815 году, строительство продолжалось четыре года и обошлось в двадцать миллионов. По нему ездят, только когда очень спешат, он как прямая, соединяющая две точки и по-

тому кратчайшая. Люди праздные никогда не выбирают его для того, чтобы попасть на другой берег.

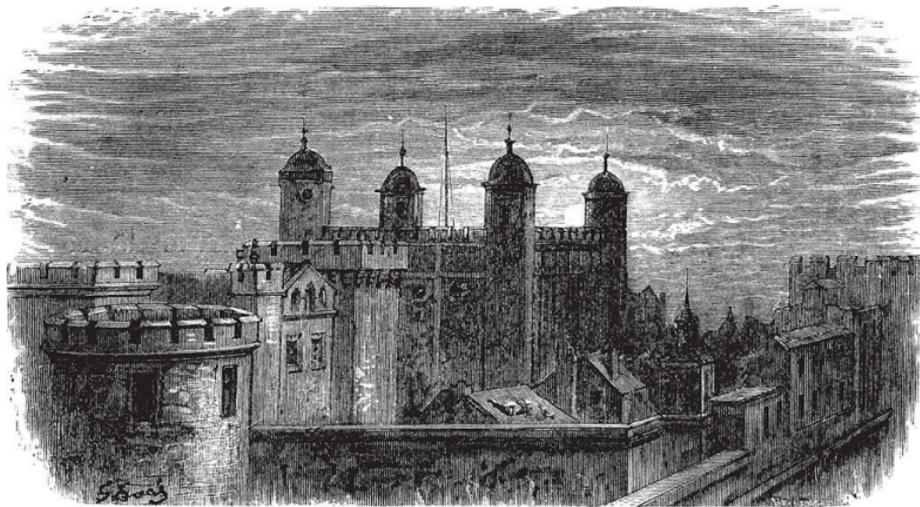
Мост Блэкфрайерз (Черные монахи) обязан своим названием доминиканскому монастырю, который находился поблизости на левом берегу Темзы. Возведенный между 1760 и 1769 годом знаменитым инженером Робертом Милном (*Mylnes*), этот мост поначалу получил имя премьер-министра Питта. Мост имеет триста с небольшим метров в длину и девять пролетов разной длины и высоты. К внешним сторонам быков лепятся ионические колонны, которые кажутся чистым излишеством, ибо от них нет никакой пользы. Архитектура – самое строгое из искусств, она не допускает пустых украшательств, все, что нельзя оправдать, не радует ни ум, ни глаз.

Лондонский мост в 1875 году

Я не знаю ничего прекраснее прогулки по мосту Блэк-фрайерз в лунную июньскую ночь, когда рассеявшаяся толпа уступает его мечтательным поэтам и созерцательным художникам. Внизу простирается подвижная бездна. Зияющая

и темная, она как будто манит вас. Но если поднять глаза, то открывается панорама бесчисленных зданий, похожая на каменные волны в барашках крыш, над которыми высится гигантский купол собора Святого Павла. На востоке чернеет мрачный силуэт лондонского Тауэра – величественный, страшный и грозный, на западе – прекрасный дворец Сомерсет-Хаус и бесподобное и не имеющее себе равных во всей Англии Вестминстерское аббатство.

Лондонский Тауэр

Даже те, чей взгляд не туманится фимиамом патристического самолюбия, признают, что мост Ватерлоо – один из красивейших в мире. Его строительство продолжалось шесть лет – с 1811 по 1817 год. Он был открыт 18 июля, во

вторую годовщину битвы при Ватерлоо, в честь которой и получил свое название. Джон Ренни воплотил грандиозные замыслы и проекты инженера Радла Додела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.